

«Надувные лебеди»,
Палм-Спрингс, 1960 год

«Поцелуй на площади Отель-де-Виль»,
1950 год

«Белая машина и кисть»,
Палм-Спрингс, 1960 год

Решающий момент как он есть. В 1992-м кавалер ордена Почетного легиона Робер Дуано предстал перед судом: некая пара, немного знакомая с фотографом и уверенная в том, что на карточке запечатлены именно они (Дуано не стал их разочаровывать), попыталась отсудить у национального достояния кругленькую сумму за фотографирование и репродуцирование образа без разрешения снятых им частных лиц. Национальному достоянию пришлось признаться, что на фотографии — совсем другие люди, два начинающих актера, чьи имена ему хорошо известны, потому что поцелуй репетировали долго и в разных местах — и на улице Риволи, и на площади Согласия. Нет, решающий момент тоже имел место — когда он увидел двух целующихся в кафе. Подошел, представился и попросил разрешения их снять — они были актеры и легко согласились сыграть эту необременительную роль. «Фотография была постановочной, но поцелуй-то был настоящим», — говорила модель-актриса, которая тоже пыталась судиться с Дуано за процент с продажи постеров с фотографией (Дуано сумел доказать, что заплатил статистам за

работу, так что в суде она проиграла, но не осталась внакладе, продав оригинальный отпечаток с подписью и штампом Дуано, присланный ей после съемки). И все же Робер Дуано никого не обманывал — он всегда утверждал, что снимает мир, каким он должен был быть, мир, полный любви и нежности. Потому он, например, наотрез отказался фотографировать публичное поругание обритых наголо коллаборационисток. Гуманизм и нежность к маленькому человеку, человеку труда — за это Робера Дуано любили в СССР, как любили и прогрессивную французскую эстраду. Он, конечно, работал не только в Париже, много ездил по стране и миру, и иногда трудно отделаться от мысли, что дачники в Бретани — это советские отдыхающие в какой-то всесоюзной здравнице, а шахтеров Ланса могли бы напечатать в «Огоньке». Впрочем, не могли — в шахтерской серии Дуано нет и тени стахановского героизма, но есть оптимизм людей, верящих не в победу коммунизма, а в то, что труд — это цель бытия и форма. То есть счастье. Эта тема есть в каждой из его работ, даже когда репортаж как будто бы далек и от маленьких людей,

и от трудовых тягот. В снимке с Сержем Лифарём на репетиции: его ноги, состоящие из одних лишь мускулов, словно бы одолжены у экорше, и кудрявой девчушке в пачке, которую он наставляет, очевидно предстоят такие же хождения по мукам. В портрете Жана Тенгели, монтирующего какую-то саморазрушающуюся скульптуру у Пале де Токио: видна лишь щеголеватая фигура в костюме, голова же скрыта клубами пара, как Творец в барочных облаках. Труд, созидающий мир согласно чертежу, — Дуано прекрасно удавались архитекторы, будь то Ле Корбюзье, ушедший в свои светоносные кальки, или Иона Фридман с петроглифическими таблицами городских структур. Такими же архитекторами выглядят у него кутюрье, склоняющиеся над выкройками: Юбер де Живанши или Жан Поль Готье. Робера Дуано не прославили модели и наряды, снятые для Vogue, зато ему замечательно удавались сцены примерки и портновские мастерские — закулисы моды и стилия, полнокровное и жизнерадостное, не хуже «чрева Парижа».

«Робер Дуано. Красота повседневности».
Мультимедиа Арт Музей, до 10 мая